

КРЕСТЬЯНЕ-НОВОПОРЯДЧИКИ

Академик Б. Греков

Едва ли я ошибусь, если скажу, что вопрос о крестьянах-новопорядчиках привлекал в нашей литературе наибольшее внимание, никогда не снимался с очереди, всегда вызывал много разноречивых соображений и до сих пор продолжает приковывать внимание исследователей.

Для историков, считавших бродячее состояние крестьянства исконным и долго непрекращающимся, вопрос о «поряде» не мог не быть центральным, так как, по их мнению, только порядок делал на тот или иной срок крестьянина оседлым, сообщая бесформенной кочующей массе юридические признаки.

Б. Н. Чичерин, крепко веривший во «всеобщее брожение по всей Русской земле», изображал крестьян временными жильцами в той или иной вотчине. Понятно, что вотчинник, пишет он, «...старался удержать у себя поселённых на его земле хлебопашцев и перезвать к себе новых поселенцев... Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно... Князья были собственно владельцами земли, а подданных у них не было»¹. Крестьянская порядна есть договор «найма земли поселенцем».

В. О. Ключевский в своих рассуждениях о крестьянстве очень последователен. Его утверждение, что крестьянин «исстари» селился на чужой земле, покоится на своеобразном понимании возникновения частного землевладения. Автор представляет дело так: дружинник занимал ненаселённую землю и по собственной инициативе заселял её рабами². Первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но чем более развивалось боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли хлебопашцев из свободного населения. Эти хлебопашцы получали от землевладельцев ссуду на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца. Смерд, по определению В. О. Ключевского, есть «вольный хлебопашец, живший на княжеской земле». Смерды — это население государственной земли; закупы и рабы — население частновладельческих земель³.

Таково логически стройное, но не обоснованное фактами построение В. О. Ключевского. Он не допускает мысли, что боярин стал боярином потому, что он овладел населённой землёй и заставил работать на себя сидевшего на этой земле смерда, которого склонен был трактовать так же, как и своего раба. В. О. Ключевский не считает с наличием в «Русской Правде» смерда, зависимого от землевладельца — не князя. Владельческими крестьянами он считает только закупа.

Отсюда вытекает и понимание владельческого крестьянина московского времени как привлечённого на частновладельческую землю свободного арендатора. По мнению Ключевского, в московское время только крестьяне чёрные и дворцовые живут на государевой земле, а «крестьяне крепостные — это поселившиеся на землях частных владельцев обыкновенно с ссудой на сельскохозяйственное обзаведение и состояв-

¹ Чичерин Б. «Опыты по истории русского права», стр. 175—176, 199 и др.

² Ключевский В. «История сословий в России», стр. 42. 1913.

³ Там же, стр. 49—50.

шие в личной крепостной зависимости от них, но не прикреплённые ни к своим земельным участкам, ни к сельским обществам»¹.

«Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем». Подразумевается договор аренды. «Условия этого арендного договора излагались в порядных грамотах или записях». После рассмотрения содержания порядных автор приходит к следующему окончательному выводу: «Итак крестьяне XVI в. по отношениям своим к землевладельцам были вольными и переходными арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой».

В XVI в. крестьянство, по Ключевскому, ещё не было сословием. «Оно было тогда временным вольным состоянием, точнее, положением». «Существенную его особенность составляло занятие (разрядка автора. — Б. Г.): вольный человек становился крестьянином с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть крестьянином, как скоро бросал хлебопашество и принимался за другое занятие». «В XVI в. поземельное тягло падало не на крестьянина по тяглой земле, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владел и кто бы её ни обрабатывал»².

За Ключевским шли многие исследователи. Между ними и Г. Ф. Блюменфельд, поставивший себе специальную задачу изучить формы землевладения в древней Руси. Он повторяет ту же мысль («закупить превратился в крестьянина, сидевшего на владельческих землях»³) и признаёт, что частная собственность на землю возникла очень рано. По его мнению, она возникла «путём свободной заимки». Эту занятую пустую землю заимщик культивировал при помощи «наёмного труда»⁴. Сам автор приходит в недоумение от своего собственного вывода. «Но откуда взялись, — спрашивает автор, — в ту отдалённую эпоху лица, согласившиеся работать на другого, в то время, когда земли было такое обилие, и каждый из них мог сделаться самостоятельным хозяином?» Отвечает на этот вопрос он так: бояре-де и дружинники занимали пустую землю и имели скот и земледельческие орудия, а бедные люди имели только рабочие руки. Естественно, — продолжает он, — между ними (этими двумя категориями людей. — Б. Г.) должно было установиться известное отношение. Бедняки, не имевшие скота, поряжались работать на богача, расчищать ему землю за известную долю произведений (копа) или за известное количество скота (отарица), получая при этом подмогу деньгами, скотом и земледельческими орудиями». «Земледелец был съёмщиком скота, который сдавал боярин»⁵.

Нельзя не признать, что в рассуждениях автора есть доля истины. Мы не можем отрицать ни наличия в известное время бедняков, нуждавшихся в заработке, ни богачей, владеющих, между прочим, и скотом и нуждавшихся в рабочих руках. Но суть вопроса всё же не в этом. Блюменфельд не объясняет, каким путём появились бояре, в чём заключалось их основное богатство.

Он никак не хочет допустить, чтобы кто-либо из князей и окружавшей их знати мог покуситься на общинную землю, издревле обрабатываемую смердами, и на самих смердов-земледельцев.

Довольно близко к В. О. Ключевскому примыкает и М. А. Дьяконов. Он уверен в том, что крестьянин московского времени происходит от разорённых и обезземеленных смердов, вынужденных садиться на чужую землю: «Процесс обезземеления мелких собственников-смердов привёл к тому, что в московское время масса сельского населения не имела соб-

¹ Ключевский В. «История сословий в России», стр. 96. 1913.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 369—370. 372—374. 1906.

³ Блюменфельд Г. «О формах землевладения в древней Руси», стр. 103. 1884.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Там же, стр. 101.

ственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов»¹.

Для определения условий крестьянской аренды в распоряжении историка имеются порядные записи. «Сущность крестьянского порядка состояла в том, что порядчик нанимал хозяйственный (преимущественно, пашенный) участок и за то принимал на себя ряд обязательств в отношении хозяина или волости».²

М. С. Грушевский решает вопрос о появлении зависимого крестьянства в крупных вотчинах в том же направлении.

Даже Н. П. Павлов-Сильванский, совершенно правильно трактовавший проблему о смердах, признававший наличие двух категорий смердов (зависимых от землевладельцев и независимых), считавший зависимого смерда полусвободным, т. е. крепостным, настаивавший на процессе обояризации общины и на существовании общин под властью боярина, касаясь вопроса о появлении и расширении крупного землевладения, на первое место ставит захват крупными землевладельцами пустопорожной земли: «Крупные землевладельцы захватывают пустующие и не возделанные земли (разрядка моя — Б. Г.), обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов». Правда, тут же Павлов-Сильванский указывает и на другие способы образования и расширения боярщины: 1) крупные землевладельцы «скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин»; 2) захватывают такие участки силой; 3) получают от власти в виде пожалования: «Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, и распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными сёлами... Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам...»³

Когда именно князья упрочили свою власть, мы точно сказать не можем, но мы прекрасно знаем, что киевские князья обладали достаточно крепкой властью и в одинаковой мере распоряжались землёй, как населённой, так и ненаселённой.

Но ведь Киевское государство и докиевские государственные образования могли возникнуть только при наличии знати, которая при условии господства земледелия в стране не могла быть иной, как только землевладельческой. Здесь разумеется владение землёй, населённой: землевладелец владел землёй и людьми, её обрабатывающими. Неизбежное наличие у крупных владельцев и пустопорожных пространств сути дела не меняет.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Русь развивалась так же, как и другие европейские страны, что Русь знала процесс феодализации и те же феодальные отношения. А могущество феодала всех стран основывалось всегда на его «подданных», основную массу которых всегда и везде составляли крестьяне.

Крестьянин, член общины, не мог иначе попасть в положение «подданного», как только путём внеэкономического принуждения. В то же время процесс освоения смерда — процесс и политический.

Надо отдать справедливость, что и в старой нашей литературе вопрос разрешался не всегда так, как его решали В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов и их последователи.

В. И. Сергеевич не высказывается по этому вопросу до конца, по-

¹ Дьяконов М. «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», стр. 324, 1910.

² Там же, стр. 338.

³ Павлов-Сильванский Н. «Феодализм в удельной Руси», стр. 247. 1910.

скольку он стоял перед ним в другой плоскости, но самый подход к его разрешению у Сергеевича несколько иной.

В. И. Сергеевич начинает своё исследование о крестьянах с определения содержания этого термина. Термин «крестьянин», по его мнению, обозначает «земледелца, занимающего определённый участок земли и живущего своим домом, своим хозяйством». «С какого времени со словом «крестьянин» стало соединяться такое понятие, этого за недостатком источников мы определить не можем, но во всех дшедших до нас памятниках старины (с XIV века. — Б. Г.) слово это употребляется именно в этом смысле».

В. И. Сергеевич не говорит о том, в каком соотношении он представляет себе крестьян и смердов. Но по его определению понятия «смерд» видно, что принципиальной разницы между смердом и крестьянином он не видит. Смерды—это «сельское население, занимавшееся возделыванием земли». Смерды в Пскове, по его мнению, сидят на землях землевладельцев.

А так как «бояре,—по определению того же автора,—суть поземельные собственники»,¹ то можно думать, что В. И. Сергеевич представляет смердов-крестьян земледельцами, живущими на землях бояр и других земельных собственников, в том числе и князей. Как они очутились на частновладельческой земле, куда девалась та земля, на которой они сидели до возникновения боярского землевладения, В. И. Сергеевич, за недостатком источников, не говорит. Но ведь есть проблемы, которые и при отсутствии прямых источников могут быть освещены на основании сравнительного материала, хотя бы и гипотетически.

Ведь никто не будет изображать дело так, что история сельского хозяйства началась с освоения земли боярством. Смерд начал пахать землю за много столетий до появления боярства, пахал на себя и на своих родных, не зная над собой никого, кому он был бы обязан принудительно отдавать часть своего труда или продукта. Сидел он на земле, которую в той или иной степени считал своей. Как же случилось, что он её потерял и превратился в «арендатора»? Эти вопросы настоятельно требуют своего освещения. Без их решения мы ничего не поймём ни в истории крестьянства, ни в истории боярства.

Совсем иначе представляют историю крестьян вообще и крестьян-новопоярщиков те исследователи, которые наличие и древность крестьянских общин не считают сюжетом мифологическим.

М. Ф. Владимирский-Буданов решительно заявляет: «все... частные имущества (боярские сёла. — Б. Г.) развиваются главным образом насчёт свободных волостных земель». Волостные земли — это земли общинные, позднее ставшие государственными. Светские вотчинники, как выражается автор, вторгались в середину чёрных волостей и постепенно разрушали их. Великокняжеские, княжеские, монастырские вотчины «иногда по происхождению своему были не что иное, как чёрные волости, обращённые в частную собственность». Но автор не решается из своего совершенно правильного обобщения сделать вывод, что сельское население этих освоенных общин есть исконное свободное крестьянство, которое и составляет основную массу населения, попадающего в зависимость от князей, бояр, церкви и других привилегированных землевладельцев при освоении этих волостных земель феодалами. Вместо этого он говорит о другой категории населения вотчин, игнорировать которую, конечно, тоже нельзя: о «пришлом населении», иначе «о переходных поселениях», правовое положение которых определяется «рядными записями»².

¹ Сергеевич

² Владимирский-Буданов, *История русского права*, стр. 138—139. 1907.

³ «Вопросы истории»

Значительно более чёткую и, как мне думается, более правильную позицию в данном вопросе занял К. А. Неволин.

«Первоначальное происхождение поземельной собственности в России принадлежит временам той отдалённой древности, в которую не проникает свет истории». Частная собственность на землю у нас существовала ещё до пришествия варягов. Вотчинниками в это время были «постоянные оседлые жители княжеств». Служилое и церковное землевладение возникло позднее. «Частные лица в самые древнейшие времена, не сомнительно, обладали у нас поземельною собственностью, и нет никакой причины принимать, чтобы вся эта поземельная собственность или даже большая часть её была приобретена ими от князя». «Право обладать поземельной собственностью не принадлежало исключительно или преимущественно некоторым разрядам свободных состояний».¹

К сожалению, рамки специального труда К. А. Неволлина не позволили ему высказаться более подробно по вопросу, нас интересующему. Во всяком случае, признание права земельной собственности с древнейших времён за всеми классами общества неизбежно ведёт к признанию этого права прежде всего за теми, кто непосредственно сидел на земле и её обрабатывал, т. е. за земледельцами-крестьянами. Так и пишет К. А. Неволин, что освоение земли отдельными лицами наиболее соответствовало положению народа, который получал своё пропитание главным образом от земледелия и звероловства.²

Освоение земли княжеской дружиной и церковью автор считает явлением более поздним. Он, надо думать, не возражал бы против положения о том, что дружинники и церковь осваивали землю не только пустую, а и населённую теми самыми земледельцами-крестьянами, о которых и говорил К. А. Неволин.

Но и К. А. Неволин, когда подходит вплотную к проблеме найма имуществ, говорит о крестьянах в такой форме, что и его, пожалуй, придётся зачислить в категорию тех авторов, которые крестьянина считают съёмщиком чужой земли. «Наём земель и угодий крестьянами, — пишет он, — в древние времена имел несколько видов: 1) наём половнический; 2) содержание из платежей определённого оброка; 3) производство сельских работ с правом на известную часть произведений земли; 4) то же, но с предварительным притом ещё займом денег и хлебных зёрен, который обеспечивался свободою работника».

Нетрудно догадаться, что под вторым видом «найма земли» автор подразумевает наём земли по порядной крестьянской записи. Однако из вышеприведённых рассуждений автора видно, что он не склонен всех крестьян считать съёмщиками чужой земли.

Из этого далеко не полного обзора литературы по данному вопросу совершенно ясно видно, что большинство исследователей считало зависимых крестьян Московской Руси арендаторами чужой земли, в своё время пришедшими к землевладельцам со стороны и вступившими с ними в договорные отношения (подразумевался тот же договор аренды).

Понятно, почему и вопрос о крестьянах-новопорядчиках принял такой острый характер. «Условия крестьянской аренды» должны были разрешить и характер отношений между землевладельцем и земледельцем, приведших, в конечном счёте, к закреплению крестьян. М. А. Дьяконов так и пишет: «Для выяснения той почвы, которая подготовила появление указа 1597 года, необходимо ближе познакомиться с условиями крестьянской аренды»³. А так как М. А. Дьяконов вслед за В. О. Ключевским верил в то, что крестьян закрепостила их задолженность, то, естественно, он, как и все его последователи, основное внимание уделял

¹ Неволин К. «История российских гражданских законов». Т. II, стр. 126—133. 1851.

² Там же, стр. 127.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 338.

вопросу о подмоге или ссуде, которую крестьянин часто брал у землевладельца при порядке.

Сторонникам крестьянской задолженности, как основания крестьянского закрепощения, важно было показать, что задолженность весьма распространена и что выплата долга для крестьян представляет непреодолимые затруднения. Но М. А. Дьяконов всегда очень точен, и факты заставляют его признать, что степень распространённости крестьянской задолженности остаётся всё же неизвестной¹. «Как широко была распространена эта задолженность, с точностью сказать, конечно, нельзя». «Но скорее надо предполагать, — спешит прибавить автор, — что она составляла довольно обычное явление».

Я и не собираюсь возражать М. А. Дьяконову. Действительно, задолженность крестьянина — явление обычное. Но мне хочется отметить, каким путём М. А. Дьяконов доказывает этот тезис. «Это подтверждает, — пишет он, — подробные правила Псковской грамоты о взыскании покрупы. На то же указывают нередкие упоминания московских памятников о крестьянских долгах и крестьянах-серебренниках»,² т. е. автор берёт для доказательства своего тезиса не факты крестьянской задолженности, а условия порядка серебренников, одной из специфических прослоек сельского и городского населения, которое поступало в зависимость именно через «долги».

Предполагая, что таким аргументом тезис доказан, автор старается показать последствия этой задолженности для крестьян. «Невозможность... расплатиться с долгами заставляла таких должников и против воли оставаться за землевладельцами-кредиторами, если те соглашались терпеть у себя неаккуратных должников в положении крестьян. Последние за эту милость принимали на себя новые обязательства в форме новых или увеличенных барщинных повинностей». Отсюда фактическая невозможность для крестьянина пользоваться своим правом «выхода» и превращение факта в право.

Так объясняет М. А. Дьяконов появление и судьбу «старожильцев». «Именно таким путём крестьяне с т а р и н н ы е, или старожильцы, образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. Это первые наши крепостные крестьяне»³ (разрядка моя. — Б. Г.).

Несостоятельность такого понимания как сущности, так и происхождения старожильцев очевидна. Но напомнить эту теорию, столь распространённую ещё в недавнее время, необходимо именно здесь в связи с вопросом о крестьянах-новопорядчиках.

Крестьяне-новопорядчики — это разновидность поступающих на сельскую работу обедневших людей, и безоговорочно смешивать их с массой тяглого полноценного крестьянства, этой основы хозяйственной и политической жизни всей страны, нет оснований. Несомненно, что часть новопорядчиков по истечении своих льготных годов вливается в состав тяглых крестьян. Но это обстоятельство не позволяет нам забывать того, что в каждый данный момент в Московской Руси, так же как и в Литве (конечно, в известное время и в других странах), существуют две основные категории сельского зависимого населения: крестьяне непохожие (старожильцы) и крестьяне похожие (новопорядчики).

Юридическую природу крестьянина-новопорядчика действительно можно изучить по порядным записям. Мы и должны это сделать, только с определённой оговоркой о том, что условия порядка определяют положение только одной разновидности зависимого сельского населения. Необходимо помнить, что состояние новопорядчика временное. По истечении льготных лет он может стать крестьянином, равным по своему поло-

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 346.

² Там же.

³ Там же, стр. 348.

жению крестьянину-старожильцу. До этого момента он от крестьянина-старожильца отличается.

Самая ранняя порядная, на которую ссылается и М. А. Дьяконов, помещена в судебном деле по жалобе Николаевского Корельского монастыря на крестьян Першу Трубина и Онисима Васильева, занявших монастырскую землю.

В этом интересном деле 1571 года фигурировало в виде доказательств несколько грамот, среди них и порядная отца Перши Трубина, Елизария Фёдоров сына Трубина, 1544 года.

Истец настаивал на том, что, когда Елизарий Трубин поряжался, у него не было с в о е й земли. Ответчик настаивал на том, что и его отец и он сам сидели и сидят на «с в о е й земле» (разрядка моя. — Б. Г.). Судьи велели прочитать порядную. В ней написано: «Се яз Елизарей Фёдоров сын Трубин, лицеостровец, порядился есми Тимофею и Барсану Селиверстовым детям в Карзину курью великого князя, а своего ж владения: ют Елизара шло 5 вервей, а другая 5 вервей шла от Онтона и от Ивана, от их же сродчев. И яз Елизар порядился на всю 10 вервей. А сеяти мне на них 6 пудов жита уроком. А приедуть писци великого князя, и мне Елизару и моим детям на той земли не описываться. А на то послуши (идёт перечень). Лета 7052 генваря в 28 день». Судьи спросили Першу, Елизарова сына, давал ли эту порядную на себя его отец. Сын ответил утвердительно и тут же снова прибавил: «да и тогда, государь, у отца моего земля была ж с в о я, и яз, государь, с в о е ю з е м л ё ю и владею, а тою, государь, яз землёю не владею, которая земля в порядной писана». Тимофей и Барсан Селиверстовы дети — это небольшие северного типа крестьяне-землевладельцы, в пользу которых отказал часть своей земли отец ответчика Перши, в доказательство чего он привёл «отступную запись» 1537 года¹.

Абсолютно нет никаких сомнений в том, что Елизарий Трубин не подходит под тот обычный тип обедневших людей, которые вынуждены садиться на чужую землю, брать у хозяина ссуду и льготу. Это человек, не столько потерявший возможность исполнять лежащие на его земле государственные повинности, сколько не желавший их выполнять, поэтому он и решил «отступиться» от половины своих владений, во всяком случае, — человек достаточно обеспеченный, чтобы вести своё собственное хозяйство. Можно сказать больше: «отступившись» от части тяглого своего участка, он берёт землю на стороне, т. е. не сокращает своего хозяйства.

Елизар Трубин предъявил на суде и «дельную» 1531 г., из которой видно, что он действительно владел значительным имуществом, в том числе и землей, внесённой в писцовую книгу Ивана Петровича². Среди

¹ «Се яз Елизарей Федоров сын да яз Павел Онкиндинов сын отступилися есмя Тимофею да Гаврилу Барсану Селиверстовым, детям великого князя земли, а своего владения, половины своего жеребья. Да и тое яз Елизарей половины отступился земли, что мне отступилися братни дети Онкиндиновы... в Карзине курьи половину во дворах и в дворищах и в орамах землях и в полях и в притеребах и в рыбных ловищах и в угольях, что изстарь потягло от века к той земли. А не измогли есмя великого князя службы служити и дани давати и всяких разрубов земских. И мы взяли себе на посыле у Тимофея да у Гаврила 8 рублёв денег в Московское число. А служба великого князя служити и дань давати и всякие разрубы нам Елизарью да Павлу лета 7046. На то послуши... Лета 7045». «Акты юридические», № 23, стр. 54.

² «Се яз Назарья Офонасьев сын, да яз Есип, да яз Григорей, да яз Валфроломей Филиповы дети, да яз Елизар Федоров сын (подчёркнуто мной.—Б. Г.) да яз Василей, да яз Павел, да яз Иван Онкиндиновы дети, да яз Омос, да яз Онтон, да яз Иван Стефановы дети, да яз Ларин Стефанов сын, разделили семья живогты отцов своих: кони и коровы и овцы, хлеб и деньги, котлы и сковороды, и суды, и седла, и весь жизот без вымета, и земля в Карзине курьи свое владение, и серебряное. Все земли есмя разделили в Карзине курьи по третям, дворы и дворища (идет перечень)... Елизару досталась с Онкиндиновыми детьми четверть црена и с росолом... Да платье есмя разделили. Не в делу у нас вобчего живота осталось: на луды двор да лодья с якорем, да шейма и вся снасть, да парус, да мерин; да в Ислохом конце деревня, Омосова купля,

имущества тут названы: скот, црены, суда, рыбные ловли. Это человек, во всяком случае, не бедный. Берёт он по порядной землю не от бедности, он не поступает на работу к хозяину, а поряжается пахать чужую землю на известных условиях, очевидно, выгодных для него самого. Чтобы его не смешали с обычного типа крестьянином-новопорядчиком, он вносит в порядную совершенно ясную оговорку, никогда в крестьянских порядных не встречающуюся: «а приедут писцы Великого князя, и мне Елизару и моим детям на той земли не описываться»¹. В этой оговорке он видит гарантию от включения его в крестьянское тягло.

Перед нами действительно договор аренды, где арендная плата заменена частью продукта. М. А. Дьяконов, считающий каждого крестьянина арендатором, имел основание и эту порядную 1544 г. отнести к числу крестьянских порядных. Мы этого основания не находим, так как в крестьянине-новопорядчике видим прежде всего «человека, вынужденного искать пристанища («крестьянские пристани», как выражается одна псковская крестьянская порядная², у состоятельного хозяина, заинтересованного в приобретении рабочих рук. Часть крестьян-новопорядчиков по истечении льготных лет превращалась в старожильцев, часть, просидев некоторое время «во крестьянях», уходила искать нового счастья у другого хозяина. Ведь закон Судебников говорил о праве крестьянина-новопорядчика совершенно ясно: «А которой христианин поживёт за кем год да пойдёт прочь... а два годы поживёт да пойдёт прочь... а три годы поживёт, а пойдёт прочь...»³.

В нашем распоряжении достаточно материалов для того, чтобы убедиться, что крестьяне-новопорядчики, «походячие», по терминологии западно-русского права, пользуются своим правом временного пребывания в крестьянстве.

Кандидаты в кабальное холопство рассказывают свои биографии и довольно часто упоминают о том, что они успевали иногда побыть и в крестьянстве. Вот, например, Антонида, Федотьева дочь, Назарьевская жена «в роспросе сказала: не служивала (по служилой кабале, подразумеваются) ни у кого, жила во крестьянях»⁴. Никифор Иванов сын «в роспросе сказал: не служивал ни у кого, жил во крестьянях за Фёдором за Кур... ным»⁵. Григорий Фёдоров сын Иванов «в роспросе сказал: жил, господине, преж сего во Ржеве у Григорья у Мольянинова во крестьянях»⁶. То же самое говорил о себе и Оядрюша Кузьмин сын: он «не служивал ни у кого, жил во крестьянях в Прибужском погосте за Ортемьем за Опалевым»⁷. «Не служивал ни у кого, жил во крестьянях в Вотцкой пятине за Лобаном за Лугменевым в Бутковском погосте», сказал о себе Кузьма Никитин сын⁸. Таких фактов можно привести и больше. Все они говорят о том, что в биографиях определённого круга людей пребывание во крестьянстве — явление временное и довольно частое.

Это люди всё бедные: кто из них до поступления в кабальную службу «ходил по казаком, коровы пас»⁹, кто жил в наймах «добровольно» (хо-

да в Похтокурьи полтони, Назарьина купля, да на Ширшемской кошки полтони, Онтонова купля, да два оловяника, да два креста, оба серебром обложены, один позолочен да шесть вставок, да лодья лома и с парусом да два якоря. Да кабалы воччи не делены». «Акты юридические» № 23, стр. 54—55.

¹ Подобная же оговорка имеется и в арендном договоре 1589 г., приложенном к «Актам тяглога населения» М. А. Дьяконова. Вып. 1-й, стр. 77.

² Там же, стр. 43.

³ «Судебник 1497 г.», ст. 57.

⁴ Кабальная книга по Шелонской пятине 111 года. «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». Под ред. А. И. Яковлева. Ч. 2-я, стр. 302.

⁵ Там же, стр. 303.

⁶ Там же, стр. 304.

⁷ Там же, стр. 316.

⁸ Там же, стр. 334.

⁹ Там же, стр. 321.

дество добровольное»¹, кто «под окна хлеба прошал»², кто «жил походя наймом»³, кто «приставал в бобылках»⁴.

В приходной книге Волоколамского монастыря 1579 г. не раз отмечаются факты пребывания крестьянина в крестьянстве в течение одного года. Какой-то Васька «жил один год», Фёдор тоже «жил один год». Для случаев такого кратковременного пребывания даже выработался тут особый термин — «перебылое», равнозначный «пожилому» Судебников⁵.

Вот этот поистине бродячий элемент русского общества тем, кто нуждался в рабочих руках, надо было ловить и создавать условия для удержания на месте.

В тот период истории Русского государства, который интересует нас сейчас, положение создавалось довольно сложное: запретить крестьянам свободу выхода и передвижений — значило сильно затруднить служилому дворянину, обзаводящемуся своим хозяйством, возможность привлекать к себе крестьян; сохранить старый закон Судебников о крестьянском отказе в силе — это значило поддерживать неустойчивость рабочей силы в хозяйстве того же служилого дворянина. Не секрет, что «пожилое», т. е. обязанность крестьянина выплачивать в случае выхода некоторую сумму денег, мало стесняло крестьянские переходы, так как тут заинтересован был не столько сам крестьянин, сколько нуждающийся в крестьянине землевладелец, для которого, если он был мало-мальски человеком состоятельным, выплата «пожилого» не представляла больших затруднений. Нечего говорить о землевладельцах богатых, у которых для этого рода операций выделялись особые суммы, выдаваемые приказчикам, и даже имелись особые специалисты, «отказчики». Новгородский владыка выдавал своим «отказчикам» особые суммы для вербовки крестьян в свои вотчины⁶. Волоколамский монастырь делал то же самое. Перед 26 ноября, старого стиля, монастырь проявляет кипучую деятельность. Начиная с 10 ноября (1573 г.) идёт рассылка денег приказчикам, «крестьяном давати на выход». В эту осень роздано приказчикам около 30 рублей. Иногда в записях даже указывается, у кого именно предполагается вывести крестьянина: 19 ноября дано приказчику Андрею Мохову «рубль денег крестьянину на выход, что ему отказывать из-за Бориса из-за Сукина»⁷. Эти выдачи имеют место в монастыре и в другие годы⁸ до 1581 года. В 1581 г. практика выходов прекращается совсем.

По волоколамским записям, можно получить полное представление о крестьянах, переведённых на землю монастыря из других мест. Эти крестьяне имели здесь особое наименование: они назывались «нововходцами». Они поселялись на новых местах, обзаводились хозяйством, и монастырь старался путём ссуд и льготы от тягла дать им всё необходимое для создания условий, при которых только и может крестьянин быть доходной статьёй для своего хозяина.

В феврале 1574 г., например, было взято «з Балашковских же деревень з Деденева да с Никитина да с Благинина с выти по полтине оброку. Итого с осьми вытей 4 рубли, а з девятой выти взято 10 алтын без 2 денег. От дано им за то, что они новые входцы». «Того же месяца

¹ Кабальная книга по Шелонской пятине 111 года. «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов». Под ред. А. И. Яковлева. Ч. 2-я, стр. 319, 320, 321, 322, 324 и др.

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 184, 187, 191, 192, 193 и др.

⁴ Там же, стр. 323, 324 и др.

⁵ Извлечения из приходо-расходных книг Волоколамского монастыря. Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI века». «Исторический архив». Т. II, стр. 77—78, 81 и др.

⁶ Греков Б. «Юрьев день и заповедные годы».

⁷ Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI века». «Исторический архив». Т. II, стр. 72—73.

⁸ Там же, стр. 76, 83.

февраля в 30 день заплатил с села Турова приказчик Посник Васильев с 16 вытей без чети, с вытя по чети рубля. Итого 5 рублей без 2 алтын с полушкою, да с новых входцов взято с выти вполы оброку пол-5 алтына»¹ (разрядка везде моя.— Б. Г.). 24 октября 1579 г. «нововходцу Иванку Самойлову дано на клеть 4 гривны»². 9 января 1580 г. новому входцу Афремку дана полтина на избу и сверх того займы 15 алтын. 22 января того же года дано «крестьянину Василью нововходцу займы пол-30 алт. и кабала на него взята». 29 января того же года дано «крестьянину нововходцу Гришке на клеть 15 алтын». 16 марта того же года дана «по игуменскому приказу... крестьяном нововходцам Ивану Черныге да Истоме на лес полтина денег»³. Имеются указания на то, что некоторые крестьяне-нововходцы живут на льготе. Крестьянин Юра «жил год на льготе»⁴. Таким образом, монастырь старается удержать крестьянина, хотя бы на определённый срок, для чего и требовал поручителей за нововходцев.

Иногда нововходцы своим поведением подводили своих поручителей. Священник Пафнутий, например, должен был заплатить полтину денег «за то, что он имался порукой по Олёшке по Карлове, и тот Олёшка збежал за его порукою, а году не зжил»⁵. Тут, впрочем, неясно, в качестве кого это Олёшка порядился жить за монастырём в течение года.

Не подлежит сомнению, что нововходцы заключали с монастырём письменные соглашения, где и указывались условия, на которых они поряжались в монастырь.

К сожалению, порядные крестьянские записи Волоколамского монастыря до нас не дошли.

Но нам хорошо известен тип этого документа. По собранным Археологической комиссией, М. А. Дьяконовым и другим порядным записям мы твёрдо можем установить составные элементы этого документа. В нём отмечалось: 1) кто поряжается; 2) кому; 3) куда именно; 4) срок и условия выхода по истечении срока; 5) подмога и ссуда; 6) трудовые обязательства порядчика и взносы в пользу землевладельца; 7) податные обязательства; 8) льготы; 9) санкция; 10) часть удостоверительная.

Не во всех порядных находятя налицо все перечисленные элементы: иногда отсутствует упоминание о сроке, часто не бывает указания относительно подмоги и ссуды, очень разнообразны условия льготы по отношению повишностей как государственных, так и частновладельческих.

Вот одна из типичных порядных — порядная крестьян Никифора Яковлева и Софонтия Афанасьева с Вяжицким монастырём 23 ноября 1576 года:

«Се яз Микифор Яковлев сын да яз Софонтий Афанасьев сын, Васильевы крестьяне Басланова из деревни из Замошья, дали есмя на себя запись Вяжицкому слуги Тимохы Павлову сыну в том, что порядилися есмя за Николу Чюдотворна в Заверяжской погост на деревню в Липовец на штину обжы. А взяли есмя п о д м о г и 2 рубля Московскую да л ь г о т ы на 2 годы в монастырь дани не давати и не ходити на дело, от лета 7085 да до лета 87.

А живучи нам на той деревни тягло государственское всякое тянути с волюстью вместе, как соху наставим.

А за ту подмогу нам и за льготу деревня распахать и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити два хлева да мбыльня.

И как пройдут те льготные два годы, и нам давати в монастырь Ни-

¹ Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI века», «Исторический архив», т. II, стр. 74.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ Там же, стр. 71.

колы Чюдотворцу оброку по рублю по Московскому на год и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят.

А не отживём мы тех льготных дву годов, и деревни не расчистив и поль не огородив и хором старых не починив и новых не поставив, да пойдём вон, и нам та подмога монастырская 2 рубля московская по сей записи отдати слуге Тимофею Павлову.

А на то послуши: Еремей Семенов да Конан Никитин.

А запись писал Матфеец Фёдоров сын, Вежыцкой слуга лета 7085 ноября в 23 день»¹ (разрядка везде моя. — Б. Г.).

Хочу обратить внимание на дату заключения договора — 23 ноября, т. е. за три дня до Юрьева дня осеннего, и на то, что крестьяне Никифор Яковлев и Софонтий Афанасьев поряжаются в Вяжицкий монастырь не с воли, а от прежнего своего хозяина Василия Басланова, т. е. переходят от одного землевладельца к другому по правилам Судебника.

Несомненно, «отказчик» Вяжицкого монастыря оформил выход или, вернее, вывоз этих крестьян по всем требованиям закона, т. е. переманил их к себе, очевидно, предоставив им лучшие условия, чем те, на которых они жили за Баслановым. К сожалению, мы не знаем ни этих условий, ни продолжительности пребывания этих крестьян у прежнего своего хозяина. Мы только видим, что закон о Юрьеве дне действует, отнюдь не являясь «эфемерным», как полагал П. И. Беляев².

Для чего же понадобились Вяжицкому монастырю новые крестьяне? Конечно, для того, чтобы они работали на монастырь. В порядной так и сказано: они должны «деревня распахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити». Это в первые 2 льготных года, «по истечении коих, эти крестьяне должны будут включиться в государственное тягло и в монастырский оброк (по рублю в год), а также и в монастырскую барщину наравне с иными монастырскими крестьянами».

Для обзаведения в течение 2 льготных лет монастырь гарантирует новоприходцам свободу от всяких платежей и даёт подмогу в 2 рубля. «За ту подмогу... и за льготу» крестьяне и обязуются выполнить выше-названные работы. Само собой разумеется, что этой работой они погашают подмогу.

Монастырь, привлекая к себе новопорядчиков, не обольщает себя надеждой, что они останутся за монастырём навсегда. Он прекрасно знает, что по истечении 2 лет (не исключается и более ранний срок) может появиться отказчик соседнего землевладельца и может переманить к себе монастырских новоприходцев. В порядной сделана только одна оговорка — относительно 2 льготных лет, в течение которых крестьяне-новопорядчики обязуются отработать подмогу. Но и тут сказано, что если они уйдут раньше срока, не отработав подмоги, то они должны вернуть её монастырю.

Разница со служилой деревенской кабалой тут лишь в том, что, по служилой кабале, работник обязуется «за рост пашню пахати и двор ставити»³ и не собирается включаться в крестьянское тягло.

Крестьянин-новопорядчик, таким образом, представляет интерес не только для землевладельца, но и для государства. Это возможный тяглец. Нет никаких сомнений, что значительная часть новопорядчиков и оправдывала надежды государства, превращаясь по истечении льготных годов в полноценных тяглецов. Но мы бы сделали большую ошибку, если бы тут же не отметили, что немалая часть новопорядчиков на самом законном основании уходила от старых своих хозяев к новым. Документы Волоколамского монастыря и расспросы кандидатов в кабальные лю-

¹ «Акты юридические», № 178.

² Беляев П. «Древнерусская сеньёрия и крестьянское закрепощение». «Журнал министерства юстиции». Т. XI, стр. 138. 1916.

³ Гейман В. «Несколько новых документов». «Сборник Российской публичной библиотеки». Т. II, Вып. 1-й, № 4, стр. 286.

ди, записанные в новгородские кабальные книги, в этом нас наглядно убеждают.

М. А. Дьяконов останавливается на вопросе о сроках пребывания крестьянина за хозяином (на вопросе «о сроке аренды», как оценивает акт порядка автор). Он совершенно справедливо отмечает, что в порядных XVI в. обозначается чаще всего срок начала «аренды» и вовсе не указывается её продолжительность.

Мне кажется, что это совершенно понятно и даже неизбежно при наличии закона о Юрьеве дне. Что же касается замечания М. А. Дьяконова о том, что «во всех северных порядных (Двинск. у.), а таких большинство, указан срок аренды, продолжительность которого колеблется от 1 года до 10 лет»,¹ то следует с ним согласиться, но только с очень существенной оговоркой — о том, что эти северные порядные — не порядные во крестьяне, а настоящий договор аренды. М. А. Дьяконов смешивает два различных, хотя и близких друг другу документа, — порядную во крестьяне и договор аренды, рассматривая оба акта как договор аренды. Для тех же, кто порядную во крестьяне не склонен рассматривать как договор аренды, такое смешение совершенно недопустимо.

Возьмём для примера документ, который М. А. Дьяконов считает порядной во крестьяне. «Се яз Зеновей Павлов сын, да яз Кондратей-Богдан Андреев сын, оба мы Великокурские волости, взяли есмя у Спасского церковного приказщика у Ивана у Михайлова сына у Дудорова на празгу (разрядка моя.—Б. Г.) Спасскую церковную землю в Курской волости половину Войбута острова. И та нам земля орати и сеяти и сено косити один год лета 7000 восьмдесятого. А празги есмя порекли от тое земли 2 гривны денег. И та нам празга дати на Семен день Летопроводца, лета 7000 восьмдесят первого. А дань и оброки и всякие земские розметы годовые платити с тое земли с волостными людьми мне Зеновью да мне Богдану. А как мы хлеб и сено сойдем, и нас с тое земли огородов не свозити.

На то послуси Деонисей Антипов сын да Третьяк Алексеев сын Поленов. Запись писал Спаской дьяк Алексеец Исааков сын Лета 7000 восьмдесятого июня в 10 день. На о б о р о т е: Послух Третьяк Алексеев руку приложил. П о м е т а: По сей записи Зинов да Богдан празги 2 гривны заплатили»².

Документ очень незатейливого содержания. Два постоянных жильца Великокурской волости, совершенно не собирающиеся покидать своего насаженного места и своей земли (об их земле в документе не говорится ничего, но они волостные люди, eo ipso владельцы своих участков), решили принанять церковную землю сроком на год за плату («празга» — плата за наём). Прошёл год, празга уплачена. Весь инцидент исчерпан. Тут перед нами совершенно ясный договор найма имущества.

Ясно выступает договор аренды, например, и в оброчной памяти 1589 г., помещённой М. А. Дьяконовым в приложении к 1-му выпуску своих «Актвов тяглогю населения», которую сам М. А. Дьяконов не считает порядной во крестьяне и помещает только «для сравнения с порядными». Тут дьяк Тимофей Петров берёт «на льготу на 6 лет» землю Троице-Сергиева монастыря. Он обязуется в «те льготные лета пашня роспахивать и двор устроить». По истечении льготных лет он обязуется платить монастырю «оброк» по 1 рублю в год и «сударева дань и посоха и всякие сударевы подати... платити с троецкими крестьяны по вытно». Этой земли он не имеет права ни продать, ни заложить, «и в писцовые книги за собою не написати». Если понадобится эта земля монастырю, Тимофей обязуется вернуть её «со всем... и с хоромы»³.

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 341.

² «Русская историческая библиотека». Т. XIV, стр. 90—91.

³ «Акты Дьяконова». Вып. 1-й, стр. 77.

Такого же смысла и другая запись, помещённая М. А. Дьяконовым в приложении¹. Перед нами действительно договор аренды.

Но совсем не о том говорят подлинные порядные во крестьяне. Тут вопрос гораздо сложнее, и сводить крестьянскую порядную запись к договору аренды нет решительно никаких оснований.

В 1916 г. против трактовки порядной как договора аренды энергично выступил П. И. Беляев. По его мнению. «Порядная... есть договор о вступлении в подданство с поселением на определённой территории землевладельца». «Как и подданный государства, крестьянин принимает на себя в порядной обязательство подчиняться праву сеньёра облагать его денежными и натуральными повинностями по усмотрению». «Как подданный сеньёрии, крестьянин обязывается и подчиняться юрисдикции землевладельца»².

Возражая против трактовки крестьянской порядной как договора аренды, автор выставляет следующие соображения: многие порядные не говорят: 1) об объекте договора (не упоминают об участке, который снимается крестьянином); 2) о плате за этот участок; 3) о сроке договора³.

Несмотря на то что наблюдения П. И. Беляева не совсем точны (он не различает бобыльских и крестьянских порядных, не учитывает изменений в юридическом положении крестьян на протяжении XVI—XVII вв.), тем не менее во многом он прав. Прав прежде всего в том, что крестьянская порядная не есть договор аренды. Нельзя не сочувствовать его борьбе с укоренившимся предрассудком, будто русские крестьяне XVI—XVII вв. есть арендаторы. Это мысль, навеянная в период освобождения крестьян, когда вопрос о праве освобождаемого крестьянина на землю решался до некоторой степени справкой о прошлом крестьянина. Слишком многие были заинтересованы в решении вопроса в пользу землевладельца. В наше время, когда все эти практические и политические соображения отпали, не может быть никаких побуждений изображать дело не объективно.

Порядная во крестьяне будет для нас ясна, если мы правильно поймём, кем был крестьянин XV—XVI вв. и в более позднее время в своей экономической и правовой сущности. Русский крестьянин в этом отношении абсолютно ничем не отличается от крестьян других европейских стран. Крестьянин в феодальном обществе — это: 1) мелкий непосредственный производитель, ведущий своё сельское хозяйство в соединении с домашним ремеслом, на земле, принадлежавшей феодалу; 2) плательщик государственных податей, в то же время обязанный и натуральными повинностями в пользу государства; 3) в силу внеэкономического принуждения зависимый от своего сеньёра человек, подчинённый ему в судебном и административном отношении и обязанный отдавать в его пользу часть своего труда и продукта.

Для правильного понимания правовой природы крестьянина в феодальном обществе надо иметь в виду сущность феодальной, иерархической, или, иначе, расчленённой, структуры земельной собственности, где низшую ступень иерархии составляли крестьяне, в процессе феодализации общества терявшие свою независимость и, в конечном счёте, превратившиеся в зависимую от своих сеньёров массу.

Термины римского права, обычно привлекаемые к объяснению феодальных общественных отношений, тут мало полезны, так как они не соответствуют специфике феодальных отношений.

Поступление в крестьянство, стало быть, не может быть простым арендным обязательством. Понятие о крестьянине феодального общества решительно не исчерпывается понятием об арендаторе даже тогда, ког-

¹ «Акты Дьяконова». Вып. 1-й, стр. 78.

² Беляев П. Указ. соч., стр. 164—165.

³ Там же, стр. 166.

да он приходит вновь и садится на землю феодала. Нечего говорить о старожильцах, большая часть которых живёт наследственно, из поколения в поколение, на земле своих отцов и дедов. Они с арендаторами не имеют никакого сходства.

А поскольку вновь поряжающийся новоприходец заявляет о своём желании стать крестьянином, т. е. после истечения льготных годов включиться в крестьянскую среду, не похожую на арендаторов, мы не имеем никаких оснований и новоприходца считать арендатором, несмотря на то, что некоторые элементы аренды в порядной и имеются. Новопоряжающийся обычно имеет перед собой довольно большой выбор состояний. Он может дать на себя служилую кабалу, может стать бобылём, может «служить добровольно», или стать половником, наконец, детьнышем (если собирается работать в монастыре). Если же он твёрдо заявляет о желании стать крестьянином и даёт на себя порядную именно в крестьяне, то он, несомненно, имеет в перспективе и государственные повинности, и частновладельческие обязательства, и зависимость от землевладельца, судебную и административную, т. е. довольно сложный переплёт условий, далеко выходящий за рамки арендного договора.

Другой вопрос, как долго новопорядчик проживёт у своего хозяина. Закон давал ему право, по соглашению со своим хозяином, уходить в Юрьев день. Но эта сторона дела не меняет правовой природы крестьянина вообще. Льгота, при посредстве которой приманивает землевладелец потенциального крестьянина, лишь отодвигает на определённое время полное включение новопорядчика в среду тяглового крестьянства, освобождает его на время, чаще всего только от одной стороны крестьянских обязанностей — государственного тягла, реже — и от платежей и повинностей частновладельческих, но всегда с обозначением, что по истечении льготных годов новоприходец обязуется делать и то и другое.

Итак, мы, с одной стороны, не имеем права закрывать глаза на то, какие конечные цели ставит себе порядная крестьянская запись; с другой стороны, — не можем не отметить в каждый данный момент наличия в любой вотчине двух категорий крестьян: полноценных крестьян-старожильцев и крестьян, пребывающих в переходном состоянии, живущих на льготе.

Если крестьянин феодальной сеньории представляет собой вполне законченный тип общественного состояния, то и крестьянин-льготчик в период своего сидения на льготе заслуживает того, чтобы быть отмеченным особо, как тип со своим, особым правовым обликом, хотя и не поддающийся точному определению в рамках античного или капиталистического права.

Если основная масса крестьян-старожильцев — это потомки мелких землевладельцев, подпавших под власть феодалов путём главным образом внеэкономического принуждения, то крестьянин-новоприходец — это следствие экономического принуждения. При примитивности в условиях феодального строя техники сельского хозяйства привлечение новых крестьян на ещё не распаханые или по тем или иным причинам спустившие участки земли, увеличение количества мелких крестьянских хозяйств, способных давать землевладельцу докапиталистическую земельную ренту, были единственным способом удовлетворить растущую жажду землевладельца к деньгам, особенно обострившуюся со второй половины XV века. Количество новопорядчиков было велико и по мере расширения площади культурной земли неуклонно росло.

До нас дошло множество жалованных грамот XV—XVI вв., особенно монастырям, где разрешалось и даже рекомендовалось землевладельцам называть на свои земли новых крестьян. Государственная власть, несомненно, видела здесь и свой большой интерес. Во имя этого интереса эта же власть ограничивала аппетиты землевладельцев условием не

принимать к себе тех крестьян, которые уже тянули государственное тягло и сидели на княжеской земле.

Для иллюстрации приведу выписку из жалованной грамоты Углицкого князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю 1476 г.: «Съяз князь Андрей Васильевич пожаловал есми Покровского игумена Паисею с братьею... слободу собирати на сей стороне Волги... и кого к себе в ту слободу перезовут жити из иных княжений, а не из моей вотчины княжения Андреевы Васильевича, и тем их людям слобожаном ненадобеть моя дань на 20 лет, а кого к себе перезовут жити из моей вотчины безвытных людей или себе откупив посадят, и тем их людям ненадобеть моя дань на 10 лет... а тяглых моих людей письменных и вытных в ту слободку им не принимати»¹.

Тут указываются два возможных источника для пополнения монастырских крестьянских кадров: первый — из иных княжений; второй — из Углицкого княжения, но только людей безвытных или серебрянников. Первых князь особенно рекомендует и для вящей приманки даёт льготу от податей на 20 лет, вторых рекомендует, но уже не так рьяно. И, наконец, решительно запрещает принимать подлинных крестьян-старожильцев.

Это обычный и совершенно понятный приём государственной власти каждого из княжений. Факты, подтверждающие это положение, весьма обильны.

После ликвидации отдельных княжеств и слияния их в единое Русское государство Москва начинает регулировать крестьянский вопрос в общегосударственном масштабе. Появился первый после «Русской Правды» общерусский законодательный сборник «Судебник 1497 года».

Но пережитки старой практики сохранились и в XVI веке. Строгановым — этим нового типа крупным феодалам — в особых жалованных грамотах повторено было старое правило: «А из Перми, ни из иных городов нашего государства Григорью (в другой аналогичной грамоте Якову) тяглых людей и письменных к себе не называти и не принимати... а придет кто к Григорью (к Якову) из иных городов нашего государства яви или из волостей тяглые люди с жёнами и с детьми... И Григорью (Якову) тех людей тяглых с жёнами и с детьми от себя отсылати опять в те ж города... а у себя тех людей и не держати и не принимати... А которые люди пойдут из Перми жити, и тех людей Григорью (Якову) имати с отказом, неписьменных и нетяглых»².

Также же разрешение даётся и Важанам, Шенкурцам и Вельскому стану: «А на пустыи им места дворовые в Шенкурске и в Вельску на посаде и в станех и волостех в пустыи деревни и на пустоши и на старые селища крестьян называти и старых им своих тяглецов крестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревни жил прежде того»³.

Из этих документов с полной очевидностью вытекает: 1) контингент лиц, годных к поселению в крестьяне, имеется достаточный, несмотря на то, что московскому правительству уже не приходилось указывать на «иные княжения» как на источник законного переманивания рабочих рук; 2) потребность в осаживании новых крестьян на земли феодалов не исчезла; 3) правила Судебников о крестьянском отказе ещё в силе.

Само собой разумеется, что каждый землевладелец был заинтересован в том, чтобы крестьяне, обжившиеся за льготные годы на его земле, продолжали у него жить и впредь, и принимал с этой целью соответствующие меры. Некоторые из землевладельцев (например Троицкий мо-

¹ «Акты Археографической экспедиции» (ААЭ). Т. I, № 102.

² «Дополнения к Актам историческим». Т. I, № 117 и 119.

³ Имеются в виду крестьяне, разошедшиеся «в монастыри бессрочно и без отказу». ААЭ. Т. I, № 234, стр. 231, 238. Уставная Важская грамота 1552 года.

настырь, как мы уже видели) добились ещё до издания общего закона об отмене Юрьева дня запрещения перехода с их земель крестьян-старожильцев. В конце XV и в первых трёх четвертях XVI в. общих мер о запрещении крестьянских выходов государство ещё не принимало, так как далеко не всем землевладельцам такая мера в это время была выгодной.

Она была невыгодна для основных кадров растущей армии московского великого князя, а потом царя,—так называемым помещикам, детям боярским, энергичной и верной опоре власти централизующегося государства.

Надо было подождать, когда дети боярские крепче осядут в своих поместьях и обзаведутся своим хозяйством. Понадобились особые события общегосударственного характера, чтобы побудить правительство сделать решительный шаг в этом направлении.

Но и после решительных мер, неоднократно принимаемых государством, начиная с 80-х годов XVI в. и в течение всего XVII в., новопорядчики не исчезли. Изменилось только их правовое положение: они стали поряжаться «до государевых выходных лет».

Итак, новопорядчики — особая категория сельского населения, которую нельзя смешивать с массой крестьян-старожильцев.

1. Новопорядчики — это обедневшие люди, которые не могли справиться с крестьянским тяглом, не имели средств начать крестьянское хозяйство, но надеялись современем при помощи землевладельца стать в ряды крестьян-старожильцев.

2. Количество таких обедневших людей растёт с конца XV в. в связи с ростом внутреннего рынка.

3. Землевладельцы, особенно те, у которых хозяйство ещё мало устроено, заинтересованы в приёме к себе новопорядчиков.

4. Государство до известного времени поддерживает их право переходов.

5. Договор, определяющий отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определён ни в терминах античного, ни в терминах капиталистического права. Это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньориальную зависимость.